

Второй путь — это отстать от группы во время ежедневного выхода из космической станции в шахты Альфа для добычи руды, а затем, когда западный сектор Альфа закончит смену и будет возвращаться на станцию, незаметно проскользнуть вместе с ними. Однако для Лу Цзюэ, который является бета-версией, этот способ явно не подходит: слишком велик риск быть обнаруженным.

Последний путь опаснее двух предыдущих, зато вероятность обнаружения минимальна. Это самый распространенный способ перемещения между восточным и западным секторами. Например, женщина-альфа Томирис, которую Лу Цзюэ видел пару дней назад, когда она приходила лечить Гадюку Клайда, попала сюда именно таким образом.

После восьмичасового комендантского часа по тюрьме начинают курсировать роботы-уборщики. Разумеется, уборка проводится в самом широком смысле этого слова, и в число мусора попадают даже те заключенные, которые не успели вовремя зайти в камеру или не смогли сделать это из-за нехватки тюремных монет. Весь мусор централизованно сбрасывается на станцию утилизации за пределами космической станции, где его дожидается переработки на следующее утро.

После комендантского часа, чтобы не мешать работе роботов, ворота между восточным и западным секторами открываются. Маршруты и рабочее время ночных патрульных роботов строго фиксированы, поэтому еще давным-давно некоторые «старожилы» научились использовать этот временной зазор для перемещений, что породило уникальную профессию — Проводник.

Задача Мэйэра на сегодня — найти надежного Проводника, чтобы этой ночью вместе с Лу Цзюэ пробраться в западный сектор и найти следы Клэйли.

Мэйэру предстояло проделать большую подготовительную работу. В конце концов, их вылазка — это не визит Томирис, который занимает от силы час. Желающих найти Клэйли предостаточно, и тот факт, что Лу Цзюэ только сейчас получил от Юй Вэня полуправдивые сведения, говорит о том, насколько успешно тот прячется. К тому же в первом секторе Западного блока содержатся десятки тысяч заключенных, и даже если проверять по несколько тысяч человек в день, на поиски уйдет не меньше недели. Мэйэру нужно было подготовиться к тому, чтобы они могли спокойно пробыть на Западе дней десять.

Подготовка не составила особого труда: Мэйэру требовалось лишь договориться с одним из старост блоков первого сектора и их новыми соседями по камерам.

На самом деле Мэйэр не горел желанием участвовать в этой аванюре. Будучи известным информатором в Первой федеральной тюрьме, он успел нажить немало врагов. Чаще всего это были мелкие стычки, и торговля информацией была для них как назойливая муха, которой обычно не придают значения. Но если он сам подставится под удар, ситуация станет критической — враги с радостью воспользуются случаем, чтобы свести счеты.

Однако, поскольку Лу Цзюэ ни разу не видел Клэйли, а также не доверял подозрительному Ду

Ютэ, Мэйэру пришлось согласиться под угрозами Лу Цзюэ.

Ду Ютэ же отправился в свою камеру готовиться к «боевым действиям». Было видно, что он невероятно воодушевлен своей первой операцией под началом босса.

Едва Лу Цзюэ закончил умываться, как двое его спутников исчезли из виду.

В отличие от занятых Мэйэра и Ду Ютэ, Лу Цзюэ, которому нечем было заняться, решил еще раз заглянуть в интернет-кафе на втором ярусе. Он хотел проверить состояние старого дома, выставленного на продажу. Хотя Жираф, продавец ингибиторов, казался вполне любезным и радушным, если деньги не поступят вовремя, кто знает, не изменит ли тот свое отношение в одночасье.

Лишь бы снова не встретить этого Сириэла, подумал Лу Цзюэ, опустив глаза. Он плотнее запахнул рукава, невольно коснувшись спрятанных у запястий двух скальпелей. Какова бы ни была цель Сириэла, он не прочь проучить его, если тот перейдет черту.

Продажа дома — 25 дней до периода течки.

Возможно, из-за того, что он встал слишком рано, путь до интернет-кафе на втором этаже прошел без встреч с другими заключенными.

Следуя привычному алгоритму, Лу Цзюэ спокойно занял неприметный уголок и подключился к межзвездной сети.

Объявление о продаже дома привлекло лишь нескольких человек, двое из которых оказались спам-ботами с рекламой ростовщиков. Единственный потенциально серьезный покупатель прислал личное сообщение с предложением снизить цену.

Лу Цзюэ уставился на жалкую цифру: триста тысяч федеральных кредитов. Это было на семьдесят процентов меньше той цены в миллион, которую он изначально выставил.

Впрочем, продать дом — задача не из легких. Даже при хорошем расположении и большой площади старого жилья, найти покупателя за два дня почти невозможно.

Лу Цзюэ опустил взгляд. Разум подсказывал ответить на предложение, начать долгий торг и в итоге сойтись на пятистах тысячах.

Однако, когда кончики пальцев коснулись экрана, он заколебался.

Он испытывал отвращение к этому человеку.

Рыночная стоимость дома составляла не менее полутора миллионов. Это прекрасно понимали обе стороны. Лу Цзюэ намеренно занизил цену, чтобы продать быстрее, но покупатель решил воспользоваться этим обстоятельством.

Лу Цзюэ прекрасно осознавал: если он хочет продать дом за десять дней, у него нет иного выбора, кроме как иметь дело со спекулянтами. Хотя планета, где находился дом, была довольно процветающей, население там было стабильным, и спрос на жилье невелик. Если бы он мог подождать, то со временем нашел бы покупателя, готового заплатить достойную цену.

Но у него не было времени.

Необъяснимое чувство брезгливости заставило его убрать правую руку.

Одна ампула ингибитора для омег стоила пятьдесят тысяч кредитов, и ему требовалась одна такая каждый квартал. По заведенному порядку Жираф присылал ему три штуки, что с учетом десяти тысяч за доставку обходилось в сто семьдесят тысяч кредитов. Сами по себе ингибиторы стоили недорого — даже самые дорогие ингибиторы для альф стоили всего несколько тысяч. Но федеральный контроль был настолько жестким, что вся цена складывалась из рисков, сопряженных с продажей.

В противовес повсеместной рекламе альф, призывающей «внести вклад в развитие мира, вовремя принимая ингибиторы», правительство де-факто поддерживало запрет на производство омега-ингибиторов, утверждая, что их использование — это неуважение к жизни и к партнеру-альфе.

Омеги считались лицами с ограниченной дееспособностью. До брака опека принадлежала родителям, после — супругу-альфе. Они могли выбирать работу лишь с согласия опекуна, и хотя номинально это подавалось как защита, на деле омеги были лишены даже базовой свободы.

Более того, если омега случайно входил в период течки и подвергался изнасилованию с установлением метки, ответственность не ложилась на альфу — тот имел право решать, брать на себя ответственность или нет.

Самое печальное заключалось в том, что омега мог быть помечен лишь одним альфой на всю жизнь. Брошенные омеги заканчивали ужасно. Не имея возможности найти работу, чтобы прокормить себя, они подвергались нападениям других альф. При этом врожденное чувство собственности альф, не терпящих на своих омегах чужих феромонов, превращало жизнь брошенного омеги в кошмар.

В итоге такие омеги часто становились дешевыми проститутками, погибали от рук клиентов или от наркотиков, либо умирали в нищете от постыдных болезней. Именно поэтому, несмотря

на все «меры защиты», количество омег с каждым годом сокращалось.

Лу Цзюэ всегда считал концепцию естественного отбора в этом мире нелогичной: как получилось, что омеги и альфы, привязанные друг к другу, не были вытеснены бетам, которых было большинство? Особенно учитывая, что омег сейчас катастрофически мало, а правят миром по-прежнему альфы.

Если бы Лу Цзюэ был бетой, он бы, наверное, заинтересовался структурой этого общества и стал бы ученым.

Но он не бета.

Как же хорошо было бы быть бетой.

Лу Цзюэ взглянул на время: шесть часов восемь минут утра. Желудок напомнил о себе голодом — пора завтракать.

Поколебавшись, он решил последовать голосу разума и открыл диалог с тем покупателем, который предлагал триста тысяч.

Мистер Лу: Девятьсот тысяч.

Через две минуты пришел ответ.

Мистер Чэнь: Мистер Лу, давайте без обмана. Последняя цена — четыреста тысяч, оплата немедленно. Как вам?

Увидев слова «оплата немедленно», Лу Цзюэ едва заметно вздрогнул. Если бы ему срочно нужны были наличные, это предложение было бы заманчивым. Но ему нужно было лишь погасить долг за ингибиторы в шестьдесят тысяч, так что способ оплаты не имел принципиального значения.

Он почти видел, как этот человек самодовольно смотрит на экран оптокомпьютера, полагая, что нащупал слабое место и скоро добьется своего.

Мистер Лу: Девятьсот тысяч.

Экран был проекционным, и в нем не отражалось лицо Лу Цзюэ, но он знал: сейчас он абсолютно бесстрастен.

Он мог представить, как самодовольное лицо покупателя сменилось растерянностью, а затем и

яростью.

Действительно, как он и ожидал, ответ пришел не сразу.

Мистер Чэнь: Мистер Лу, это некрасиво. Пятьсот тысяч. Больше я не дам, не хотите — ищите другого покупателя.

Лу Цзюэ представил, как тот сначала написал кучу гадостей, а потом, успокоившись, стер всё и напечатал этот короткий ответ.

Этот Чэнь, должно быть, молод, имеет небольшой капитал и профессионально занимается спекуляциями, иначе он не нашел бы объявление среди тысяч других так быстро.

Лу Цзюэ мельком глянул на первое сообщение: тот написал ему всего через три часа после публикации объявления. Такая целеустремленность даже вызывала уважение.

Мистер Лу: Девять...

Глядя на недописанное сообщение, Лу Цзюэ заколебался. Продолжать торг не имело смысла. Пятьсот тысяч — цена болезненная, но приемлемая. Этой суммы хватит на девять периодов течки, на два с лишним года. Этого достаточно, чтобы найти путь из тюрьмы или другой способ заработка.

Мистер Лу: Пятьсот пятьдесят тысяч.

Лу Цзюэ пошел на уступки.

Мистер Чэнь: Пятьсот двадцать тысяч, мистер Лу. Больше просто нет, придется лезть в долги к ростовщикам.

Лу Цзюэ представил, как тот сейчас ухмыляется, словно довольный лис.

Лу Цзюэ опустил глаза и уже собирался закрыть диалог и поменять цену в объявлении, как вдруг пришло системное сообщение.

Система: Мистер Сяо оплатил покупку. Сделка закрыта.

Система: На ваш счет 20 декабря зачислено 1 000 000,00 федеральных кредитов.

Лу Цзюэ замер. Он открыл информацию о продаже — статус «Завершено».

Хотя оформление поддельных документов заняло время, сама платформа работала безупречно: как только покупатель переводил деньги, все формальности улаживались автоматически за ничтожную комиссию.

Он снова открыл уведомление и с удивлением обнаружил, что покупатель даже взял на себя комиссию продавца.

Лу Цзюэ с противоречивыми чувствами взглянул на лаконичное имя «Сяо» и закрыл страницу.

Он перевел миллион на другой счет, привязанный к его второму удостоверению личности, и, подумав, отправил Жирафу не половину суммы, как обычно, а чуть больше, округлив платеж.

Напоследок он отправил сообщение Чэню.

Мистер Лу: Извините, дом больше не продается.

Выйдя из системы, он убедился, что экран скрыт от чужих глаз, и отклеил от виска тонкую пластину. Повернувшись, он увидел стоящего неподалеку Сириэла.

— Не хочешь позавтракать вместе? — тихо спросил Сириэл.

Прошлое — 25 дней до периода течки.

Услышав приглашение, Лу Цзюэ инстинктивно потер кончиками пальцев запястье, где были спрятаны скальпели. Широкий рукав тюремной робы скрывал его движения, но в тот момент, когда он увидел Сириэла, в его глазах промелькнула искра убийственного намерения, которую тот успел заметить.

Ниерва приподнял бровь. Согласно отчету, полученному от Сириэла — бедолаги, чьим именем он воспользовался, — любимым оружием Лу Цзюэ были два скальпеля, отобранные у врача Гадюки.

Ниерва скользнул взглядом по правому запястью Лу Цзюэ. До чего же предсказуемые жесты.

Он невольно вспомнил отчет, поданный три дня назад: четыре фотографии, два трупа с перерезанными горлом и сонной артерией. Работа выполнена чисто, на уровне профессионального киллера. Самое забавное, что одним из орудий была зубная щетка с заточенным концом.

Эта щетка до сих пор лежала на его столе рядом с досье Лу Цзюэ.

Лу Цзюэ Юлиус, 21 год, родители рано умерли, бета. Ниерва потер большой палец. Ничем не примечательный отчет, ничем не примечательная жизнь до двадцати лет, как у миллионов других. Единственное отличие — наследство, оставленное родителями, позволившее ему бросить школу и вести затворнический образ жизни.

Но в двадцать лет в жизни Лу Цзюэ произошел поворот.

По соседству поселился новый жилец. Солнечный, общительный и вежливый альфа.

Разумеется, робкий и закомплексованный бета, годами не видевший людей, быстро пал жертвой обаяния красавца-альфы.

Лу Цзюэ влюбился.

Точнее, это была печальная безответная любовь.

Если бы это была сказка, маленький бета преданно ждал бы, пока альфа, разочаровавшись в жизни, наконец поймет, что его истинная любовь всегда была рядом. Но в реальности всё было прозаичнее: альфа оказался подонком, который использовал чувства бедняги, чтобы выманить у него все деньги, а затем просто исчез.

Когда Лу Цзюэ понял, что его обманули, он остался один на один со своим горем. А потом случилось страшное: его обвинили в убийстве тринадцати человек и отправили в эту тюрьму.

Доказательств было мало, мотив притянут за уши, но дело было громким, и его поспешили закрыть, даже не дав Лу Цзюэ шанса на апелляцию.

Вспоминая отчет, где вероятность того, что Лу Цзюэ действительно был убийцей, оценивалась менее чем в десять процентов, Ниерва впервые подумал, что он, министр внутренних дел, известный своей точностью и хладнокровием, совершил небольшую ошибку.

Лу Цзюэ, не подозревая, куда унеслись мысли этого человека, решил не нападать. Сегодня у него было отличное настроение из-за удачной сделки, и даже Сириэл не вызывал такого раздражения.

В кафе начали заходить люди. Вспомнив, как позавчера из-за этого Сириэла его едва не окружила толпа альф, Лу Цзюэ помрачнел.

Нужно уходить.

Не желая отвечать, он опустил голову и, стараясь быть незаметным, быстро вышел из кафе.

Но стоило ему пройти несколько шагов по извилистому коридору второго этажа, как он понял, что Сириэл следует за ним.

Походка Сириэла была неторопливой и элегантной, в каждом движении чувствовалась власть человека, привыкшего стоять на вершине. Лу Цзюэ про себя проворчал: неужели этот министр не боится, что его хозяин даст ему пинка под зад за такую наглость? Или это такая аристократическая причуда?

Благодаря присутствию Сириэла — а может, просто потому, что было еще утро — Лу Цзюэ без происшествий добрался до первого яруса. Настроение снова улучшилось, и даже Сириэл перестал казаться таким уж неприятным типом.

<http://bllate.org/book/21228/2147925>